10 2005

Несколько фрагментов о машинах

Gerald Raunig

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина



«В истории философии проблема машины, как правило, считается второстепенной составной частью более общего вопроса – вопроса о techne, технике. Я хотел бы здесь предложить обратный подход, согласно которому проблема техники является частью значительно более обширного вопроса о машине. “Машина” открыта внешнему и своей машинной среде и поддерживает самые

разнообразные отношения с общественными составляющими и индивидуальными субъективностями. Дело, стало быть, в расширении понятия технологической машины до понятия машинного ассамбляжа...»[1]

Феликс Гваттари описывает здесь в нескольких словах пространство, которое охватывает одно из главных и часто неверно толкуемых понятий его гетерогенной теоретической продукции. Как и многие термины, вышедшие из концептуальной кузницы Гваттари, «машина» вполне намеренно разведена с общепринятым словоупотреблением. При восприятии теории такая практика деформации и изобретения терминов вызвала широко распространенные полемические нападки на Гваттари и его коллегу Жиля Делеза как на «хиппи»[2]. Между тем, переосмысление понятия машины не столь ново и радикально, чтобы приписывать его исключительно французским постструктуралистам. Уже на завершающей стадии распространения по Европе промышленной революции очевидный шаг в направлении предложенного Гваттари расширенного понимания машины можно обнаружить в черновом наброске Карла Маркса «Критика политической экономии» (1857-1858), в так называемом «Фрагменте о машинах»[3] [i].

В этом разделе Маркс развивает свои идеи о превращении средств производства из простого орудия (которое Гваттари назовет позднее

«протомашиной») в форму, соответствующую постоянному капиталу[ii], иными словами, в технические машины и «систему машин». Помимо центрального понятия машины, которому позднее Маркс уделит куда больше внимания в «Капитале», здесь рассматривается и второе понятие, причем со стороны, оказавшей огромное влияние на будущие постмарксистские течения мысли. Понятие «всеобщего интеллекта» (General Intellect)[iii], введенное Марксом во «Фрагменте о машинах» как нечто второстепенное, напрямую послужило отправным пунктом для идей итальянских (пост)операистов о массовом интеллектуальном и нематериальном труде.[4] Точки взаимного пересечения между французским постструктурализмом и итальянским постопераизмом вообще-то столь же многосторонни, как и способы, какими оба течения ссылаются на Маркса и дистанцируются от него, как бы не терялась при этом с обеих сторон конкретная взаимосвязь двух граней (машина – «всеобщий интеллект») этого небольшого фрагмента Маркса.[5]

Маркс о машинах

В общем и целом, Маркс вкратце понимает машину как «средство производства прибавочной стоимости»[6], другими словами, как никоим образом не нацеленную на уменьшение

трудовых усилий рабочих, а, напротив, на оптимизацию их эксплуатации. Маркс описывает эту функцию «системы машин» в тринадцатой главе «Капитала», подразделяя ее на три составляющих: присвоение капиталом добавочных рабочих сил (особенно женского и детского труда), удлинение рабочего дня и интенсификация труда. Вместе с тем, машина появляется еще и как всякий раз новое следствие периодически возникающих стачек и выступлений рабочих, по мере того как капитал отвечает на них не только прямым подавлением, но главным образом заменой их новыми машинами.[7]

Во «Фрагменте о машинах» Маркс обращается прежде всего к негативным аспектам исторического развития, в конце которого машину, в отличие от орудия, ни в коем случае нельзя понимать как средство труда индивидуального рабочего: напротив, она заключает в себе знание и навыки рабочих и ученых как овеществленное знание и навыки, противостоя разобщенным рабочим в качестве господствующей силы. По Марксу, разделение труда есть, в частности, предпосылка для восхождения машин. Только после того как труд человека стал все больше и больше механическим, механизированным, возникли условия для того, чтобы эти возложенные на рабочих механические задачи взяли на себя и стали выполнять машины: «Однако будучи

включено в процесс производства капитала, средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является машина или, вернее, автоматическая система машин (система машин, являющаяся автоматической, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены»[8].

Этот отрывок из Маркса показывает, что машина, на завершающей стадии развития средств труда, не только структурирует и размечает рабочих как автомат, как аппарат, как структуру, но одновременно и сама пронизана механическими и интеллектуальными органами, посредством которых она непрерывно и дальше развивается и обновляется.

С одной стороны, Маркс описывает здесь отчуждение рабочих от их средств труда, то, как они (внешне) обусловлены машинами, говорит о преобладании овеществлённого труда над живым трудом. Также он вводит фигуру перевернутых отношений человека и машины: «Деятельность рабочего, сводящаяся к простой

абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот. Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины»[9]. Инверсия отношения между рабочими и средствами труда в направлении господства машины над человеком определяется здесь не только иерархией процесса труда, но понимается ещё и как переворот в порядке владения знанием. В процессе овеществления форм знания в машине, производители этого знания утрачивают единоличную компетенцию и власть над трудовым процессом. Сам труд выступает как отделенный, рассредоточенный по многим точкам механической системы в отдельных живых рабочих. «Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду»[10].

Тем не менее, даже для Маркса во «Фрагменте о машинах» огромная, автоматически работающая машина есть нечто большее, чем технический механизм. Машина здесь не ограничена своими техническими функциями, но, напротив, выступает как механический-интеллектуальный-

общественный ассамбляж. Хотя техника и знание (как машина) имеют одностороннее воздействие на рабочих, машина – это не просто сцепление техники и знания, механических и интеллектуальных органов, но вдобавок ещё и общественных органов, в той мере, в какой она координирует разобщенных рабочих.

Следовательно, в машине также налицо коллективность человеческого интеллекта. Машины – это «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса».[11] Я вернусь к значению «всеобщего интеллекта» ниже, а сейчас следует подчеркнуть, что производительная сила не только соответствует новым техническим машинам, и даже не только сцеплению «механических и интеллектуальных органов», но также – и в особенности – отношению производителей друг к другу и к

производственному процессу. Не только внутренность технической машины пронизана механическими и интеллектуальными линиями, но и «внешние» общественные взаимосвязи и отношения с очевидностью становятся деталями машины. «Фрагмент о машинах» не только указывает на то, что знание и навыки накапливаются и поглощаются постоянным капиталом в качестве «всеобщих производительных сил общественного мозга»[12] и что процесс превращения производства в знание является тенденцией капитала, а еще и показывает инверсию этой тенденции: сцепление знания и техники не исчерпывается постоянным капиталом, но отсылает за пределы технической машины и овеществленного в ней знания – к общественной кооперации и взаимодействию.

Когда Театр Становится Машиной… [13]

Отталкиваясь от ранних опытов массовых постановок, биомеханики и конструктивистской механизации сцены Всеволода Мейерхольда, в 1-м Рабочем театре Пролеткульта Сергей Эйзенштейн и Сергей Третьяков разработали между 1921 и 1924 гг. «эксцентрический театр» и «монтаж аттракционов»; в кино, теории и «литературе факта» позднее из них возникнут разные версии стратегий производственного искусства. В Советском Союзе в начале 1920 годов

включение в постановку элементов цирка, ревю и кино еще сигнализировало о наступлении на чистую практику буржуазного театра, которое велось главным образом при помощи «аттракциона». «Театр Аттракционов» привносил в спектакль агрессивные физические моменты, чье воздействие на зрителя приводило к разрушению механизма иллюзии и сопереживания происходящему на сцене. В то же время, монтаж аттракционов не означал простого нагромождения гэгов и трюков ради воздействия самого по себе, но, напротив, подразумевал дальнейшее развитие элементов цирка и водевиля для создания материалистического, «естественнонаучного» театра. Театр Пролеткульта позаимствовал у цирка его подход к актерскому мастерству, а также принцип разбивки на отдельные номера, последовательность «произвольно выбранных, самостоятельных аттракционов, не связанных одной темой или содержанием»[14]: у Эйзенштейна и Третьякова этот явный недостаток – несвязность – превращается в оружие, направленное против переживания. Отвергая тотальность и приоритет «темы-содержания», Эйзенштейн писал: «Аттракцион в формальном плане я устанавливаю как самостоятельный и первичный элемент конструкции спектакля – молекулярную (то есть составную) единицу действенности театра и театра вообще»[15]. Аттракцион, таким образом, это нечто большее, чем цирковой номер. Это

ситуация, которая, в качестве молекулярной единицы, заключает в себе конфликты. Эйзенштейн и Третьяков добивались столкновения с аудиторией.

«Театр аттракционов» не скрывал этой установки на насилие над зрителем в качестве «основного материала театра»[16]. В отличие от театральной иллюзии, приглашающей зрителя к псевдоучастию в происходящем путём сопереживания, «театр аттракционов» стремился выстроить процесс прерывистого эмоционального возбуждения. Сам по себе монтаж не определял здесь макроструктуру произведения, а применялся к композиции самостоятельных аттракционов. «Актёры, вещи, звуки суть ничто иное, как элементы, из которых строится аттракцион»[17]: переплетение актёров, которые не изображают, но работают, и вещей, несущих конструкций и предметов, с которыми актёры работают, – вместо декораций и реквизита.[18] «Иллюзорное действие театра рассматривается как внутренне связное представление; здесь же мы имеем сознательное ожидание незавершённости и творческую активность со стороны зрителя, который должен уметь самостоятельно ориентироваться в разнообразных представлениях, которые перед ним разыгрываются».[19]

В своих работах о «театре аттракционов» Сергей Третьяков указывает направление, которое

должны принять отношения человека-машины, технической машины и общественной машины: «Работа над сценическим материалом, превращение сцены в машину, помогающую развернуть работу актера возможно шире и разнообразней, находит себе социальное оправдание тогда, когда эта машина начинает не только шевелить поршнями и выдерживать определенную рабочую нагрузку, но и производить некоторую полезную работу, обслуживать текущие задачи революционного дня»[20]. Помимо эстетизирующего использования технических машин и конструкций в качестве декорации, были предприняты попытки сделать сценическую машинерию театра прозрачной как модель техницизации и создать плавные переходы между техническими машинами, опорными строениями и сценическими подмостками. Выйдя за рамки биомеханики Мейерхольда, обучавшей актера безупречно владеть своим телом как своего рода машиной, но легко вырождавшейся в танцующую скульптуру, актеры и актрисы превратились в элементы аттракциона. Наконец, тейлористские идеи научного управления работой и переворачивание отношения человек-машина привели к развитию сочленения технических машин (вещей), тел исполнителей и общественной организации всех участников, включая зрителя. Эти идеи замыкания технических и общественных структур

оставались в «театре аттракционов» лишь поверхностно привязаны к «театру научной эпохи». Попытка ещё и «рассчитать» столь сложные машины, как это предлагалось Эйзенштейном и Третьяковым, выходит за пределы отношения внешней стороны технических машин и общественных коллективов и за пределы чисто математических, технических расчетов.

Эйзенштейн описывал аттракцион как основанный исключительно на чём-то относительном – на реакции зрителя. Вместо отражения обусловленного темой события и его последующего развития и разрешения в эффектах («воздействиях»), логически с этим событием сопряженных, подчиненных психологизму темы, приходит свободный монтаж аттракционов с установкой на определенный конечный эффект, что позволяет донести до зрителя «идейную сторону демонстрируемого». Эйзенштейн и Третьяков хотели изменить порядок эмоций, организовать их по-другому. Зритель должен был стать частью машины, которую они назвали «театром аттракционов». Подвергая зрителя «опытно выверенному» и «математически рассчитанному» воздействию, они стремились к «определенным эмоциональным потрясениям»[21].

Акцент здесь делается на определенных эмоциональных потрясениях: в отличие от

тотального управления эмоциями в буржуазном театре, это означает возбуждение, обусловленное утилитарным заданием и строго разграниченное точно смонтированным воздействиям. Эта попытка «рассчитать» эмоции была попыткой – в разрез с буржуазной стратегией эстетического, художественного вымысла – направить и подвергнуть испытанию цитируемую реальность знаков, телесную работу исполнителей и тела зрителей в их взаимодействии. Тем не менее, необходимо провести четкое различие между средствами старого театра и нового. Хотя на жаргоне буржуазного театра театральное представление не определялось эксплицитно как «процесс воздействия на зрителя при помощи театральных эффектов»[22], имплицитно «эстетическое воспитание» имело похожий эффект. Но «театр аттракционов» стремился рассчитывать (эмоции) зрителя. Это также означало «расчет аттракционов в зависимости от определенной аудитории»[23]. Другими словами, каждое представление требовало новых расчётов; фактически, представление находило свою цель в аудитории, а материал – в ее жизненном контексте. Неизвестно, насколько далеко Эйзенштейн и Третьяков зашли в своих экспериментах с расчетами; среди зрителей проводились опросы, за их реакциями дотошно следили, результаты тщательно оценивались. То, что их выкладки должны были принимать в расчёт значительные расхождения между целью

и конечным результатом (поскольку предполагали куда большую неконтролируемость, чем исполнительские практики XIX века), проистекало не только из классового состава публики, впервые получивший доступ в театр, но и самого экспериментального формата аттракциона.

Кульминацией этих экспериментов должны были стать спектакли по пьесе Третьякова «Слышишь, Москва?!», вызывавшие в зрительном зале настоящий переполох.[24] Написанная и поставленная в исключительно сжатые сроки, эта мобилизационная агитационная пьеса о революционной ситуации в Германии (возникшей после восстания в Гамбурге в октябре 1923 года), была приурочена к шестой годовщине Октябрьской революции и впервые показана 7 ноября 1923 года. С поверхностной точки зрения, спектакль Эйзенштейна и Третьякова потерпел неудачу на двух уровнях: на первом уровне, он провалился по причине самого события, поскольку революции в Германии, как мы знаем, так и не произошло. На другом уровне, его авторефлексивная тема – вызвать революцию посредством искусства – также содержала в себе весьма проблематичный вопрос о переоценке художественной практики. Вызвать революцию должно было не только само изображение ситуации, но ее преобразование посредством вмешательства и резкой трансформации буржуазного театра в театр

революционный. Однако в специфических условиях социалистического общества в Москве 1920-х это изображение революции должно было возыметь иное воздействие, чем в революционной ситуации. Третьяков и Эйзенштейн использовали монтаж аттракционов по нарастающей, доводя публику до все большего возбуждения: все больше и больше внезапных перебивок, зрители хватались за оружие, возникали потасовки со статистами, так что все должно было закончиться полным хаосом. Сообщалось, что возбужденные зрители горячо реагировали не только в самом театре, но и на московских улицах после спектакля: «...а затем, возбужденные, с пением шли по улицам, мрачно жестикулировали по адресу витрин». [25]

По-видимому, невозможно ответить на вопрос, до какой степени «театр аттракционов» намеревался «принимать в расчёт» описанную выше спонтанность и за стенами театра. Учёт зрителя мог вполне доходить до того, чтобы планировать и рассчитывать даже на хаос и переполох. С их требованием четких определений социального задания и научных методов, Эйзенштейн и Третьяков безусловно преуспели в том, чтобы перенести театральную машину на столь зыбкую почву, что никакая художественная практика еще очень долго не сможет с ней соперничать.

Переизобретая Машину

В приложении к «Анти-Эдипу» Жиль Делез и Феликс Гваттари не только разрабатывают «Баланс-программу для желающих машин»[26], но и прописывают, в противовес идеям Маркса о системе машин[27], свою собственную концепцию машины. Эта концепция предполагает расширение или обновление понятия машины, а вовсе не её метафоризацию. Делез и Гваттари не устанавливают «переносный смысл» машины, а пытаются заново изобрести сам термин, заняв критическую дистанцию как по отношению к повседневному словоупотреблению, так и к учёным-марксистам: «Мы исходим не из метафорического использования слова “машина”, а из (смутной) гипотезы о ее начале – гипотезы о том, как произвольные элементы становятся машинами посредством рекурсии и коммуникации»[28].

Марксова теория машины завуалировано упоминается здесь под именем «классической схемы», но открыто называется лишь в третьей заключительной части приложения.[29] Тогда как в тринадцатой главе «Капитала» Маркс задерживается на вопросе «каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента»[30], Делез и Гваттари находят такую линейную концепцию во многих отношениях неудобной. Их занимает не столько имманентная логика трансформации машин, как она описана Марксом, сколько сама

схема, которую Маркс кладет в основу этой логики: измерение человек-природа, общее для всех общественных форм. Линейное развитие от орудия (как продолжения человека, облегчающего напряжение) к тому сдвигу, в ходе которого машина в итоге становится независимой от человека, так сказать, одновременно определяет машину как одну из сторон в механической серии. Такого рода схема, «абстрактная и происходящая из духа гуманизма», изолирует производительные силы от общественных условий их приложения.

По ту сторону этой эволюционной схемы, машина мыслится уже не только как возникающая в определенный момент функция в серии, которая представляется исходящей от орудия. Подобно тому как древнегреческое понятие *techne* уже обозначало и материальный предмет и практику, так же и машина представляет собой не просто рабочий инструмент, впитавший и замкнувший в себе общественное знание. В варьирующихся общественных контекстах она открыта различным сочленениям, соединениям и стыковкам: «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины».[31]

Вместо того чтобы помещать орудие и машину в одной серии, Делез и Гваттари ищут более

тонкого разграничения, и в этом их поиск соотносится со вторым вопросом Маркса об отличии машины от простого орудия. Разумеется, это отличие можно было бы объяснить, обратившись к иной генеалогии, нежели та, которой следовал Маркс, – генеалогии, отсылающей к более древнему пониманию «машины», для которого разделение на органическое и механическое было нерелевантным. Однако в «Анти-Эдипе» это отличие рассматривается концептуально/теоретически: машина – это фактор коммуникации, орудие – по крайней мере, в его немашинной форме – является, с другой стороны, лишенным коммуникации продолжением человека, или протезом. И наоборот, конкретное орудие, при его использовании для обмена/контакта с человеком, – уже более машина в этом новом смысле, чем представленная изолированно машина техническая: «Составлять деталь с чем-то – это совсем не то же самое, что продолжаться, или проецироваться, или же заменяться».[32]

Проводя различие между машиной и чем-то, что просто продолжает или заменяет человека, Делез и Гваттари не только отказываются поддержать традиционную фигуру господства машины над человеком. Они ещё и устанавливают отличие от слишком упрощенного и оптимистичного восхваления определенной формы машины, которое, от

футуристов до киберфанатов, рискует проглядеть общественный аспект всякий раз новых комбинаций «человек-машина».[33] Согласно Делезу / Гваттари, рассказ о приспособлении человека к машине, замене человека машиной упускает машинное не только в его критической, марксисткой формулировке, но и в своей «эйфорической» версии. «Речь уже идет не о противопоставлении человека и машины, направленном на оценку соответствий, продлений, возможных или невозможных замещений одного другим, а о том, чтобы соединить одного с другим и показать, как человек составляет деталь вместе с машиной или составляет деталь с другими вещами, чтобы создать машину».[34] Этими «другими вещами» могут быть животные, орудия, другие люди, высказывания, знаки или желания, но машиной они становятся только в процессе обмена, а не в парадигме замещения.

Возьмем небылицу из «Третьего полицейского» Фланна О'Брайена, в которой ирландский автор преподносит точные вычисления того момента во времени, когда, в результате текучести молекул, люди на велосипедах превращаются в велосипеды, а велосипеды – в людей, и в каком процентном соотношении – со всеми вытекающими отсюда проблемами (люди, падающие с велосипеда, если они не прислоняются к стене, и велосипеды, обретающие человеческие черты). В контексте

исследования машин, вопрос здесь не столько в изменении количества с обеих сторон (20% велосипедов, 80% людей или – что еще тревожнее – 60% велосипедов, 40% людей), сколько в обмене и потоке машинных единичностей и их сцеплении с другими общественными машинами: «Нам же кажется, что машину, напротив, необходимо мыслить в непосредственном отношении к общественному телу, а не по отношению к биологическому организму человека. Если эта мысль верна, нельзя рассматривать машину как новый сегмент, который приходит на смену орудию, оказываясь на линии развития, которая должна была бы найти свою отправную точку в абстрактном человеке. Ведь человек и орудие уже являются деталями машины на полном теле данного конкретного общества. Машина первоначально является общественной машиной, созданной порождающей машиной инстанцией полного тела, людьми и орудиями, которые, в той мере, в какой они распределены на этом теле, механизированы».[35] Таким образом, Делез и Гваттари переносят угол зрения с вопроса о форме, в которой машина сменяет более простое орудие, как машинизируются люди и орудия, на перспективу, в которой общественные машины делают возможным – и одновременно необходимым – появление особых технических, аффективных, когнитивных, семиотических машин.

Главная особенность машины – текучесть ее компонентов: всякое продление или замещение было бы лишенностью коммуникации, тогда как свойство машины как раз в противоположном, а именно, в коммуникации, обмене, открытости. В отличие от структуры, от государственных аппаратов, склонных к замыканию, машина имеет тенденцию к постоянному размыканию. Начиная с текста «Машина и структура», написанного в 1969-м, до «Машинного гетерогенезиса», опубликованного в 1992-м, Гваттари неоднократно указывал на качественное различие машины и структуры, машины и государственного аппарата[36]: «Машина обладает чем-то большим, нежели структура»[37]. Она не ограничивается тем, что руководит и размечает единства, наглухо примкнутые друг к другу, а открывается другим машинам и движется вместе с их машинными ассамбляжами. Она состоит из машин и проникает в несколько структур одновременно. Она зависит от внешних элементов, с тем, чтобы иметь возможность вообще существовать. Она предполагает дополнительность не только со стороны человека, который ее создает, позволяет ей функционировать или уничтожает ее, но и со стороны себя самоё – в отношении несходства с другими виртуальными или реальными машинами.[38]

Между тем, в дополнение к этому теоретическому подходу к одновременно

нейтральному и амбивалентному понятию машины в «Анти-Эдипе» (и в ряде более ранних и более поздних текстов Гваттари), важно не упустить из виду исторический контекст, в котором происходил некий обязывающий поворот к машинному. Гваттари начал разрабатывать свою концепцию машины уже в конце 1960-х, на фоне экспериментов с новыми формами политической организации. Первоначально эти усилия были направлены против жесткого разделения на левых из стран «реального социализма» и из стран «еврокоммунизма»; позднее они рассматривались, исходя из опыта различных субкультурных и микрополитических практик, в случае Гваттари – главным образом антипсихиатрической практики, и, в конечном итоге, вылились, уже после 1968-го, в попытки противостоять структуризации и замыканию поколения 1968-го в кадровых организациях, фракциях и кружках, осмыслить это явление.

Проблема, к которой Гваттари обращается в своем первом тексте о машине, написанном вскоре после событий 1968-го, касается прочности революционной организации: «проблема создания институциональной машины, отличающейся особой аксиоматикой и особой практикой; имеется в виду гарантия, что она не замыкается в различных общественных структурах, и особенно – в структуре государственной, каковая, похоже, образует

краеугольный камень господствующих условий производства, хотя больше уже и не соответствует средствам производства».[39] Не только «господствующие условия производства», но и современные формы сопротивления приняли машинную форму; структуризация и замыкание как жесты (само)защиты игнорируют этот факт. Машинные установления не могут воспроизводить формы государственного аппарата, те, что обеспечиваются парадигмой представительства, но порождают новые формы «учреждающих практик»: «Революционный проект как подрывная институциональная “машинная деятельность” должен будет раскрыть такие субъективные возможности и гарантировать их заранее в каждой фазе борьбы против того, чтобы быть “структурированным”. Тем не менее, такого рода постоянная проверка машинных эффектов, оказывающих воздействие на структуры, никогда не сможет удовлетвориться “теоретической практикой”. Она требует разработки особой аналитической практики, которая сразу же применяется к каждому шагу в организации борьбы».[40]

Всеобщий Интеллект и Машина ЕвроПервомая

Многое из того, что Гваттари сформулировал в своих размышлениях о машине на фоне событий Мая 68-го, было скорректировано и обновлено в

последние годы – возможно, обновлено даже больше, чем в 1960–1970-е – в формах непредставительских движений, выступающих против режимов миграции и границ, экономической глобализации и прекаризации работы и жизни.[41] Последний пункт является главной проблемой для движения «ЕвроПервомай»[42], возникшего в Милане и стремившегося реапроприировать Первомай, в частности, в последние годы. Подобно театральной публике, революционизированной и воодушевленной пьесой «Слышишь, Москва?», активисты «ЕвроПервомая» сегодня тоже ходят по улицам, нередко «мрачно жестикулируя по адресу витрин»; главным образом по улицам двадцати с чем-то (пока что) европейских городов, включая Лондон, Копенгаген, Марибор, Барселону, Гамбург и Вену.[43] Иногда витрины магазинов разлетаются вдребезги, но чаще их раскрашивают, разрисовывают, покрывают слоем новых знаков.[44] Парады «ЕвроПервомая» не только возобновляют первомайские революционные традиции, но и противостоят приватизации городских публичных пространств – своими телами, образами, знаками, высказываниями. Такого рода реапроприация города последовательно разыгрывается без всяких сцен и подмостков, в стремлении противопоставить парадигме представления парадигму события.

Однако у машины «ЕвроПервомая» есть две темпоральности. Не только темпоральность события, но и длительность учреждающих практик[iv], в которых становится очевидной связь между машиной как движением против структуризации и машиной как «общественной производительной силой». Проведение праздника Первого Мая – не единственное измерение деятельности первомайских активистов: пусть и ограниченные ресурсами желания и времени, которыми они располагают, в течение года активисты организуют микроакции и дискурсивные события, регулярно общаются по электронной рассылке, устраивают в разных городах Европы встречи с целью транснационального обмена. Кроме того, растет все более густая сеть занимающихся вопросом прекаризации работы и жизни, и не только в Европе.

Вместе с тем, это образование учреждающих практик еще только начинает заявлять о себе. Согласно философу-постопераисту Паоло Вирно, это движение «накопило еще недостаточно форм борьбы, пригодных для того, чтобы ситуации прикаритетной, временной и нестандартной работы превратить в подрывную политическую силу ».[45] Такое накопление начинается не столько со старых форм организации «государственных аппаратов», сколько со сцепления машинных форм социального движения и постфордистских форм работы и

жизни. В своих текстах, посвященных этой теме, особенно в «Грамматике Множества», Вирно подхватывает понятие «всеобщего интеллекта», мимоходом введенное Марксом во «Фрагменте о машинах». Даже если общественное знание было действительно поглощено техническими машинами в эпоху индустриализации, такое совершенно невозможно помыслить в контексте постфордистского производства: «Разумеется, этот аспект “всеобщего интеллекта” имеет значение, но к нему все не сводится. Мы должны рассмотреть измерение, где всеобщий интеллект, вместо того чтобы принять облик (а вернее, быть отлитым в стали) системы машин, существует как атрибут живого труда».[46] Как формулирует, вслед за Гваттари, постопераистская теория, в силу самой же логики экономического развития необходимо, чтобы машина мыслилась не просто как структура, которая распределяет рабочих и замыкает общественное знание в себе. По ту сторону марксовой идеи знания, поглощенного постоянным капиталом, Вирно выдвигает тезис об одновременно доиндивидуальном и трансиндивидуальном общественном характере интеллекта: «Живой труд при постфордизме имеет в качестве сырья и средства производства мышление, которое выражается посредством языка, умения учиться и общаться, воображения, иными словами, способность, отличающую сознание человека. Живой труд, соответственно, воплощает всеобщий интеллект (“общественный

мозг”), который Маркс назвал “столпом производства и благосостояния”. Сегодня всеобщий интеллект уже больше не поглощен постоянным капиталом, он уже больше не представляет только то знание, что заключено в системе машин, но – вербальную кооперацию множества живых субъектов».[47]

Заимствуя термин Маркса, Вирно тем самым показывает, что «интеллект» следует понимать здесь не как исключительную компетенцию индивида, но как общий узел и постоянно развивающуюся основу индивидуации, как общественный характер интеллекта. Доиндивидуальная «природа» человека, каковая заключается в говорении, мышлении, общении, дополняется здесь трансиндивидуальной гранью «всеобщего интеллекта»: это не только вся полнота знания, накопленная человеческим родом, не только то, что объединяет все вышеупомянутые способности, это еще и пространство между когнитивными работниками, коммуникативное взаимодействие, абстракция и самоанализ живых субъектов, кооперация, координированные действия живого труда.

Наконец, на основе работ Вирно мы можем соединить «всеобщий интеллект» как коллективную способность и понятие машины в смысле Гваттари. Знание как коллективная интеллектуальность является дополнительным к

машинному характеру производства и социальному движению. «Всеобщий интеллект», или «публичный интеллект», как уточняет это понятие Вирно, есть другое название для расширения понятия машины у Гваттари за пределы технической машины, ее царства: «Внутри современного трудового процесса существуют констелляции понятий, которые сами функционируют как производительные “машины”, не нуждаясь в механическом теле или микроэлектронной душе».[48]

Библиография

Richard Barbrook, "The Holy Fools", in: *Mute* 11, London 1998, 57-65

Gilles Deleuze, Félix Guattari, *L’Anti-Oedipe*, Paris 1972.
Русский перевод: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Екатеринбург: У-Фактория, 2007

Gilles Deleuze, Félix Guattari, *A Thousand Plateaus*, London/New York 1988

"Ein Experiment der Theaterarbeit", in: Peter Gorsen, Eberhard Knödler-Bunte, *Proletkult 2. Zur Praxis und Theorie einer proletarischen Kulturrevolution in Sowjetrussland 1917–1925*, Stuttgart 1975, 111-116

Sergej Eisenstein, "Die Montage der Attraktionen", in: Peter Gorsen, Eberhard Knödler-Bunte, *Proletkult 2. Zur Praxis und Theorie einer proletarischen Kulturrevolution in Sowjetrussland 1917–*

1925, Stuttgart 1975, 117-121. Эйзенштейн Сергей. Монтаж Аттракционов. Первоначально опубликовано в журнале Леф. 1923. N 3. С.70-75.

Félix Guattari, "Maschine und Struktur", in: ibid., *Psychotherapie, Politik und die Aufgaben der institutionellen Analyse*, Frankfurt/Main 1976, 127-138

Félix Guattari, "Über Maschinen", in: Henning Schmidgen (Ed.), *Ästhetik und Maschinismus. Texte zu und von Félix Guattari*, Berlin 1995, 115-132

Félix Guattari, "Machinic heterogenesis", in: ibid., *Chaosmosis. An Ethico-Aesthetic Paradigm*, Bloomington/Indianapolis 1995, 33-57

Félix Guattari, "Capital as the Integral of Power Formations", in: ibid., *Chaosophy. Soft Subversions*, New York 1996, 202-224

"Hörst du, Moskau?!", in: Peter Gorsen, Eberhard Knödler-Bunte, *Proletkult 2. Zur Praxis und Theorie einer proletarischen Kulturrevolution in Sowjetrussland 1917–1925*, Stuttgart 1975, 127-129.

Karl Marx, "Fragment über Maschinen", in: *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie*, MEW 42, Berlin 2005, 590-609. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения т. 46, Экономические рукописи 1857–1859 гг. (черновой вариант «Капитала»), 2 часть. Раздел: "Развитие основного капитала как показатель развития капиталистического производства"

Karl Marx, *Das Elend der Philosophie*, MEW 4, Berlin 111990, 63-182. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4. Нищета философии. М. 1955.

Karl Marx, *Das Kapital*, MEW 23, Berlin 191998. Маркс Карл. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. М.: Политиздат, 1988.

Angela Mitropoulos, "Precari-Us?", http://eipcp.net/transversal/0704/mitropoulos/en, 16.10.2006.

Antonio Negri, *Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse*, New York 1991.

Gerald Raunig, „La inseguridad vencerá. Antiprekaritärer Aktivismus und Mayday Parades“, http://eipcp.net/transversal/0704/raunig/en, 16.10.2006

Gerald Raunig, *Kunst und Revolution. Künstlerischer Aktivismus im langen 20. Jahrhundert*, Vienna 2005 / *Art and Revolution*, transl. Aileen Derieg, Semiotext(e): Los Angeles/New York 2007.

Sergej Tretjakov, "Das Theater der Attraktionen", in: Peter Gorsen, Eberhard Knödler-Bunte, *Proletkult 2. Zur Praxis und Theorie einer proletarischen Kulturrevolution in Sowjetrussland 1917–1925*, Stuttgart 1975, 121-127

Sergej Tretjakov, “Notizen eines Dramatikers”, in: ibid., *Gesichter der Avantgarde*, Berlin/Weimar 1985, 98-101

Paolo Virno, "Wenn die Nacht am tiefsten ... Anmerkungen zum General Intellect", in: Thomas Atzert / Jost Müller (Ed.), *Immaterielle Arbeit und imperiale Souveränität*, Münster 2004, 148-155

Paolo Virno, "Eine performative Bewegung" in: *Kulturrisse* 02/2005, 6-9

Paolo Virno, *A Grammar of the Multitude*, Los Angeles/New York 2004

Paolo Virno, "Die Engel und der *General Intellect*", in: ibid., *Grammatik der Multitude*, Vienna 2005, 165-188

[1] Guattari, "Über Maschinen", 118.

[2] См., например Barbrook, "The Holy Fools", Marchart, "The Crossed Place of the Political Party".

[3] MEW 42, 590-609 [http://www.marxists.org/archive/marx/works/1857/grundrisse/ch13.htm - p690]. В русском переводе «фрагмент» носит название «Система машин как адекватная капитализму форма средств труда»; к нему примыкает раздел «Разложение капитала как господствующей формы производства с развитием буржуазного общества», где речь также идет о машинах. Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Соч. М.: Издательство политической литературы, 1969, т. 46, ч. II, сс. 201-222.

[4] Краткий обзор ссылок операистов и постопераистов на фрагмент о машинах см. в Virno, "Wenn die Nacht am tiefsten ... Anmerkungen zum General Intellect".

[5] В ранней книге Тони Негри «Маркс по ту сторону Маркса», к примеру, в основу которой

лег его парижский семинар об «Экономических рукописях 1857–1859 гг.», о машине речь не идет. Исключением здесь является Маурицио Лаззарато, который продолжил идею обеих граней в своей работе о нематериальном труде, с одной стороны, и видео-философии, с другой.

[6] Маркс Карл. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. М.: Политиздат, 1988, с. 382.

[7] Ср. Маркс, «Нищета философии» с. 157: «После каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина»; Маркс, «Капитал», с. 445: «Она [машина] становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала».

[8] Маркс К., Энгельс Ф., т. 46, ч. II, с. 203.

[9] Там же, с. 204.

[10] Там же, с. 206.

[11] Там же, с. 215.

[12] Там же, с. 205.

[13] Этот фрагмент представляет собой сокращенную версию раздела «Театральные машины против представления. Эйзенштейн и Третьяков на газовом заводе» из Raunig, *Kunst und Revolution*, 134-147 / *Art and Revolution*.

[14] "Ein Experiment der Theaterarbeit", 113.

[15] Эйзенштейн Сергей. Монтаж аттракционов. Первоначально опубликовано в журнале Леф. 1923. N 3. С.70-75. См.: http://www.tokman.ru/tx18.html

[16] Там же.

[17] “Ein Experiment der Theaterarbeit”, 112.

[18] Сцепление событий и исполнителей, вещей, звуков и зрителей, как оно описано здесь, на удивление близко подходит к пониманию машины у Гваттари. В «Анти-Эдипе» упоминается, что в русском футуризме и конструктивизме определенные обстоятельства остаются, несмотря на коллективное присвоение, «внешними машине», однако практика «театра аттракционов», похоже, этому противоречит.

[19] "Ein Experiment der Theaterarbeit", 116.

[20] Третьяков, «Театр аттракционов», Октябрь Мысли, № 1, 1924, с. 54.

[21] Эйзенштейн, «Монтаж аттракционов».

[22] "Ein Experiment der Theaterarbeit", 112.

[23] Третьяков, «Театр аттракционов», с. 55.

[24] См. «Слышишь, Москва?!» в С. Третьяков. Слышишь, Москва?! Противогазы. Рычи, Китай! [Пьесы. Статьи. Воспоминания], Иркутск, 1966.

[25] С. Третьяков, «Драматурговы заметки». Жизнь искусства, № 46 (1927), с. 7.

[26] Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Екатеринбург: У-Фактория, 2007, сс. 603-637.

[27] В «Анти-Эдипе» Делез и Гваттари постоянно ссылаются на «Капитал».

[28] Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип, с. 608 (перевод изменен. – прим. переводчика).

[29] Там же, с. 605 и 628 и далее.

[30] Маркс К., Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988, с. 382.

[31] Делез, Гваттари, Анти-Эдип, с. 14.

[32] Там же, с. 609.

[33] Здесь следует заметить, что в своем использовании понятия машины Делез и Гваттари последовательно безразличны к амбивалентности. В то же время, темные стороны машинизации регулярно попадают в поле их внимания, как в размышлениях о фашистских и постфашистских формах военной машины в «Тысяче плато» или в концепции Гваттари «машинного порабощения» при «всемирно интегрированном капитализме», как Гваттари назвал в начале 1980-х явление, сегодня

прозванное глобализацией. В отличие от Маркса, здесь «машинное порабощение» (Guattari, "Capital as the Integral of Power Formations", 219-222) не означает подчиненное отношение человека относительно технической машины, которая овеществляет общественное знание, а скорее более общую форму коллективного управления знанием и необходимость постоянного участия. Именно машинное свойство постфордисткого капитализма – Гваттари здесь близок к теориям неолиберальной системы государственного управления, разработанным на основе работ Фуко – добавляет целую палитру механизмов контроля, требующую соучастия индивидов, к традиционным системам прямого подавления.

[34] Делез / Гваттари, Анти-Эдип, с. 607 (перевод изменен. – примечание переводчика).

[35] Там же, с. 628-29 (перевод изменен. – примечание переводчика).

[36] Важное понятие государственного аппарата выходит далеко за рамки традиционных понятий государства; в противоположность машинам государственные аппараты отличаются структурами, размеченными пространствами и жесткой системой перегородок.

[37] Guattari, "Über Maschinen", 121.

[38] Cf. Guattari, "Machinic Heterogenesis", 37.

[39] Guattari, "Maschine und Struktur", 137f. (Оригинальная французская версия этой статьи была опубликована в Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité*, Paris 1973).

[40] Ibid., 138.

[41] Под категорию «непредставительских практик» не подпадает движение Социальных Форумов, которое не заявило четко и внятно, что отвергает представительство по форме и по содержанию.

[42] О проблемах, к которым обращалось это движение (особенно прекаризации работы и жизни), см. веб-журнал transversal, озаглавленный «precariat» http://eipcp.net/transversal/0704/, особенно Mitropoulos, "Precari-Us?", по поводу терминологии, а также тексты Lorey and Tsianos/Papadopoulos в номере о «субъективностях и машинах».

[43] См. http://www.euromayday.org.

[44] Об этих аспектах реапроприпиации города в ходе парадов ЕвроПервомая см. Raunig, "La inseguridad vencerá. Anti-Precarious Activism and Mayday Parades".

[45] Virno, "Eine performative Bewegung", 6.

[46] Virno, *Grammar of the Multitude,* 65.

[47] Virno, "Die Engel und der General Intellect", 174.

[48] Virno, "Wenn die Nacht am tiefsten ... Anmerkungen zum General Intellect", 154.

[i] В русском переводе К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения т. 46, Экономические рукописи 1857–1859 гг. (черновой вариант «Капитала»), 2 часть. Раздел: "Развитие основного капитала как показатель развития капиталистического производства" (СС. 201–222). – Прим. ред.

[ii] Дихотомия постоянного, или основного (стоимость средств производства) / переменного капитала (стоимость рабочей силы) – одна из ключевых в политэкономии Маркса: «Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом. Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью

капитала, или, короче, переменным капиталом» («Капитал», с. 198). – Прим. ред.

[iii] В оригинале Маркс без перевода пользуется английским словосочетанием General Intellect. Под этим термином он понимает науку, знание в целом, в том числе и практическое, на которое все больше и больше опирается современное производство. Отличие современных интерпретаций в том, что если Маркс считал, что «всеобщий интеллект» объективирован в системе промышленных машин, то современные теоретики (Паоло Вирно, Антонио Негри и др.) связывают его с субъективностью и «живым трудом». С другой стороны, такие теоретики, как Феликс Гваттари, Маурицио Лаззарато, Геральд Рауниг расширяют и смещают само понятие «машины». – Прим. ред.

[iv] О концепте учреждающих практик см. текст Г. Раунинга Учреждающие практики. Ускользать, учреждать, трансформировать http://eipcp.net/transversal/0106/raunig/ru. – Прим. ред.